

У автора этой книги, соединившей в себе традицию и новаторство, явно непростые отношения со временем. С одной стороны, время – главный герой практически каждого стихотворения. Его дыхание, приближение и скоротечность лирический герой Дениса Ткачука ощущает во всём: в стуке колёс поезда или шуме авиационного двигателя, в каждой отдельной судьбе, в повседневных занятиях и событиях исторического масштаба. Человеческая жизнь настолько коротка, что её легко можно уместить в коротенький пробел между датами рождения и смерти, да и само небо, как бы высоко оно ни находилось, всё равно напоминает о земле:

*небо – братская могила
и всё меньше близких
чья голоса могут меня в этом
перубедить*

С другой стороны, тема, обозначенная в названии поэтического сборника («Самосуд») предполагает отрицание всех временных измерений, поскольку автор определяет значимость человеческой жизни и её ценность не в терминах земного существования, а в категориях вечности, даже если она «цвета ржави». Человек есть не то, чем он является при своём рождении, а то, что останется от него после смерти. В содержании книги, представленной тремя разделами («Бог на верхней полке», «Регулировщик движения облаков» и «Хорунжий») вскрывается внутренняя полемика между временным и вечным, земным и небесным, смертным и бессмертным. Эти антиномии порождены самой человеческой природой, представляющей собой неделимый сплав духовного и материального. Что же человек, живущий так недолго, должен сделать для того, чтобы не окончательно кануть в забвение? И есть ли в мире что-то, способное продлить его существование и существование его близких? Ключевой онтологический вопрос в целом решается автором традиционно, однако новизна самой книги определяется её жанровым разнообразием, о котором пишет в предисловии Юрий Казарин. «Открытая» и песенная лирика сочетаются у Ткачука с *«короткими поэтическими вербализованными озарениями»*, и эта стилевая разнородность, в конечном итоге, даёт различные ракурсы в раскрытии темы.

В первом разделе («Бог на верхней полке») автор вполне традиционен. Традиционны здесь и обусловленные литературной преемственностью образы скоротечного времени (движущийся поезд, улетающие

на юг птицы, опустевший дом, кладбищенские кресты, стрелки циферблата), и элегические мотивы, и ностальгическая интонация, связанная с непрерывным ощущением утраты:

*Шёпот и перестуки,
белый песок, руда,
жизни моей разлуки –
разные города.*

*Тлеющий свет плацкарта,
гул самолётных дюз,
не отмечай на карте –
я туда не вернусь <...>*

Берущие за душу, понятные каждому строки как будто сами ложатся на музыку, но и в них уже ощущается поиск иных путей и иных форм высказывания, тяготение к инореальности и экзистенциальному началу творчества. Само по себе это уже означает выход за пределы очевидного, в сторону мифотворчества, где возможно «досотворение иного», близкого по духу времени и пространства:

*через иллюминатор,
через оконный лёд
смотрит в меня утрата,
так же, как я в неё.*

Доказательством подобной метаморфозы становится стихотворение о троллейбусе, внезапно сошедшем с рельс и устремившемся прямо в небеса, на глазах у восхищённого автора. Тут уже эстетика парадоксального одерживает верх над естественным порядком вещей:

*Троллейбус с линии сошёл:
назло дорожной сетке
погнул на Петроградской столб
и вышел за разметку.
<...>
и пролегла по небу вдаль
троллейбусная трасса –
лишь светофор вослед мигал
прозревшим третьим глазом.*

Таким образом, читатель уже подготовлен ко второму разделу книги, где авторский голос становится более уверенным и самостоятельным. Поэзии уже тесно в границах силлабо-тоники, и она пускается в свободное плавание по водам верлибра, создавая пространство для постмодернистских ходов, неожиданных ассоциаций, неясных зон смыслов. И вот уже на смену обычному проводнику в плацкартном вагоне приходит регулировщик движения облаков, и постепенно стираются границы земного и вечного, объединяясь в сакрализованном пространстве универсальных культурных значений, свободных от конкретных привязок и традиционной логики:

*есть ли в мире более важная работа,
чем у регулировщика движения облаков?
<...>
машин почти нет
суховея гонит тёплые облака
их тени несутся по асфальту:
внимание стой проезжай*

Поэзия, не только воссоздающая, но и пересоздающая мир становится, говоря словами Юрия Казарина, «духовным поступком». В таком контексте уже возможно искать опорные точки, с помощью которых преодолевается смертная природа человека, уступая дорогу непреходящему, нетленному. Денис Ткачук находит разные способы решения этой проблемы – например, можно осознать себя неким вместилищем, открытым любому знанию о мире, любой идее и форме, одновременно не подчиняясь ни одной из них:

*а я состою из пустоты
вонзай в сердце крючки, рыболов
перебьки провода, телефонный мастер
молчи со мной, архивист*

С ещё одним интересным авторским открытием мы сталкиваемся в стихотворении о самолёте, летящем «на высоте десять тысяч триста метров». Оказывается, одним мгновением можно уравновесить вечность, стать неуязвимым. Да и как может быть страшна смерть тому, кто думает не о ней, а о настоящем – просто наслаждается жизнью и её текущим моментом, наполненным прелестными мелочами:

*И как бы ни трясло
в воздушных ямах самолёт,
я знаю точно, что бессмертен,
пока размешиваю ложкой
сладкий чай.*

И всё же главным эликсиром бессмертия для автора книги «Самосуд» становится творчество – только благодаря этому феномену можно беспрепятственно слушать, как читает стихи Николай Гумилев: «с той стороны экрана <...> не стесняясь пулевых ноликов рядом с двумя крестиками».

«Поэт победил человека» – таков основной вывод второго раздела книги. Поэт всегда побеждает человека, а человек всегда «остаётся снаружи», когда «шкаф закрывают на ключ». Потому что всё подлинно важное в нас находится за пределами материального. Пусть это – зыбкая и едва осязаемая, неясная и эфемерная субстанция. Именно она – фундамент духовности, обеспечивающей целостность мира, его «текучесть» и одновременно неизменность.

В заключительной части книги раскрывается ещё одна грань личности автора. Ему как члену Поискового движения России и руководителю архивных работ в Астраханской области доподлинно известно, что такое история рода. Только сохраняя связь со своим прошлым, порой легендарным, можно ощутить себя одним из звеньев непрерывной цепи, по которой духовное знание передаётся из поколения в поколение.

Несколько стихотворений последнего раздела, «Хорунжий», посвящены дальнему родственнику Дениса, младшему уряднику 1-го Астраханского казачьего полка Никите Васильевичу Яненко. Так совершается ещё один самосуд – сравнение собственной жизни с легендарной историей предка. Повествование ведётся от первого лица, что говорит о глубокой эмоциональной вовлечённости автора в происходящее. Он полностью отождествляет себя со своим героем и смотрит на события его глазами:

*нещадно время: вот уж свергнут царь,
наганы заряжают новой датой...
Ну а пока – далёкий год. Январь.
Стена Кремля. И кровь моя. Не чья-то.*

Поэзия Дениса Ткачука, названная Казариным «духовным поступком», со временем может стать и чем-то большим – например, духовным подвигом. Стремление автора определить своё место в жизни, обнаружить в самом себе нечто неподвластное распаду и объединяющее его судьбу со множеством других судеб явно говорит о неравнодушии и способности воспринимать мир в его подлинной сущности. И пусть каждый шажок минутных стрелок напоминает о скоротечности бытия – наши чувства и мысли никуда не уходят, перетекая в нечто иное, продлеваясь в пространстве и времени, отзываясь в других вещах и объектах:

*Дерева
растущие на кладбищах
глядят корнями волосы наших любимых
обнимают за плечи машут ветвями
у деревьев много времени
чтобы сделать то
что не успел
сделать
я*